

Витяг з протоколу допиту колишнього начальника УНКВС по Миколаївській області Фішера І.Б.

5 липня 1956 р.

Допрос начат 5 июля 1956 г. в 11.45.

Окончен 5 июля 1956 г. в 18 час. 45 м.

гор. Николаев

Начальник следотдела УКГБ при СМ УССР по Николаевской области подполковник Шаповалов допросил в качестве свидетеля -

Фишера Иосифа Борисовича, 1896 года рождения, урож. с.Тростянец Винницкой области, члена КПСС с 1925 года, еврея с высшим юридическим образованием, работающего адвокатом Одесской Коллегии адвокатов, проживающего в г.Одессе, ул.Малиновского, 7, кв. 1.

Свидетель Фишер за отказ от показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст.ст. 87, 89 УК УССР предупрежден. Подпись.

Вопрос: В настоящее время, в результате пересмотра ряда архивно-следственных дел производства 1937-1938 гг., устанавливаются факты незаконных арестов граждан и применение к ним физических мер воздействия со стороны работников УНКВД Николаевской области. В частности, с вашей санкции была арестована группа партийных работников и инженерно-технического состава заводов: секретарь горкома партии Коломок, работники горкома партии и советских органов Черкас, Сорель Мария, Бессарабов, Жайворонов, Левин, Мухин-Новиков, Онищенко, Эпельман, Крючек, директор завода Степанов и др. Чем вы можете объяснить незаконные аресты граждан и извращенные методы следствия, имевшие место в УНКВД Николаевской области по отношению к арестованным в 1937-1938 гг.

Ответ: Невозможно ответить на этот вопрос в отрыве от той обстановки, в которой протекала вообще работа органов НКВД с тех пор, как их возглавил Ежов, а затем Берия. С этого момента культивировалось бесчеловеческое отношение к арестованным

(карцер, наручники и др. физические методы воздействия). Совершенно игнорировался один из принципов соц. законности - презумпция невиновности. Единственным ценным доказательством стало признание арестованного и для этой цели рекомендовалось принимать всякие меры физического воздействия. Примерно в первой четверти 1937 г. начали поступать директивы НКВД СССР о производстве на местах массовых арестов и организации в дополнение к существующему тогда органу внесудебного разбирательства дел (Особые совещания) - в областях, так называемые тройки в составе начальника УНКВД, секретаря обкома партии и областного прокурора, для рассмотрения на месте отдельной категории дел (кулацкий антисоветский элемент, бывш. полицейских, жандармов, воровской элемент и т.п.) с правом присуждения к расстрелу и заключения в ИТЛ сроком на десять лет. При этом к-во подлежащих к аресту и осуждению тройками (к расстрелу или ИТЛ) заранее определялось НКВД УССР, в частности на Украине по каждой области в отдельности. Затем последовала директива о производстве массовых арестов среди населения польской национальности и об осуждении признанных виновными в особом порядке, а именно: путем представления списка непосредственно в НКВД УССР с характеризующими данными на каждого человека и кратким изложением сущности обвинения. На основании этих списков там решался вопрос о расстреле (первая категория) или заключении в ИТЛ сроком на 10 лет (вторая категория). Из НКВД СССР после рассмотрения там этих списков в УНКВД поступали указания за подписью наркома внутренних дел и Генерального прокурора СССР о приведении их решения в исполнение. Затем эта же директива была распространена на арестованных из числа греческой, немецкой, болгарской национальностей. Также были директивы о массовых арестах выходцев из мелкобуржуазных партий (сионистов, бундовцев, эсеров и др.), бывших белогвардейцев, петлюровцев (на Украине), дела по которым решались на месте по усмотрению: либо тройки, либо направлялись на особое совещание или же в судебные органы. Дела на участников право-троцкистских организаций разрешались выездными сессиями военной коллегии Верховного суда СССР. Причем, меры наказания по ним заранее были определены для состава суда и прокурора, участвовавшего в этом деле, кем-то в Москве. Кто там рассматривал эти дела, я не знаю. Для производства арестов и проведения следствия по всем этим категориям дел давались весьма ограниченные

сроки и была установлена телеграфная отчетность перед центром о к-ве арестованных, законченных и рассмотренных дел, осужденных и о мерах наказаний. На этом основании на местах были произведены массовые аресты по всем имевшимся оперативным материалам, поступающим данным из НКВД СССР, НКВД УССР и других областей, материалам от парторганов (исключенных из партии по политмотивам), заявлениям и сообщениям граждан и другим материалам. К следствию привлекались почти поголовно все работники аппарата, не только малоквалифицированные работники, но зачастую безграмотные политически и общеобразовательно. Понятно, что времени для тщательной проверки этих материалов не было. Достаточно было либо "признания" обвиняемого, либо непроверенных показаний других обвиняемых или же свидетеля. Массовость и быстрота такой работы лишали возможности обнаружить самые нелепые и смехотворные обвинения. Работники, занимавшиеся допросами обвиняемых, были хорошо осведомлены о применяемых в НКВД СССР, НКВД УССР методов "получения" признания обвиняемых, многие лично наблюдали применение этих методов в НКВД УССР, в бытность там наркомом Леплевского, а затем Успенского, который кстати, как мне известно, лично избивал арестованных и поучал других как "добывать" признания.

Качество и квалификация того или иного работника оценивались по количеству полученных им "признаний" или значения (положения в партийно-советском руководстве) сознавшегося. Это служило мерилем для награждения таких работников. В такой обстановке приступил аппарат УНКВД Николаевской области к работе с момента его организации в октябре 1937 г. при следующих специфических условиях: до этого времени в Николаеве был горотдел НКВД, входивший в подчинение Одесского УНКВД. Деятельность последнего к тому времени ознаменовалась уже вскрытием, как это сообщалось нам, широко разветвленной право-троцкистской к/р организации под руководством бывшего секретаря Одесского обкома партии Вегера и ряда других работников советского партийного актива.

По показаниям Вегера и друг., полученных в Одесском УНКВД, проходило многих лиц советско-партийного актива города Николаева и районов, отошедших к вновь организованной Николаевской области, которые, как я показал выше, подлежали немедленному аресту.

Аппарат Николаевского УНКВД сформировался, главным образом, за счет работников бывшего горотдела, работников аппарата Одесского УНКВД, частично других областей и аппарата НКВД УССР. При назначении меня на работу в Николаев в Киеве на совещании начальников УНКВД вновь организованных тогда областей (Николаевской, Полтавской, Каменец-Подольской, Житомирской) бывший нарком Леплевский предложил нам немедленно развернуть массовые операции по всем вышеперечисленным категориям, в частности, обратил мое внимание на материалы по делу Вегера и других, снабдил нас лимитами для осуждения на тройке и предупредил, что через некоторое время вызовет нас с докладом о проведенной работе. Тогда же Леплевский предупредил всех нас, что мы пока назначаемся временно исполняющими должность начальника УНКВД, а если справимся с работой, то будем утверждены в должностях начальников УНКВД. В таком направлении развернулась работа аппарата УНКВД Николаевской области. Были использованы все учетные материалы, показания по делам вскрытой организации в Одессе, по которым в частности проходил Коломок и другие. Многие работники аппарата, принимавшие раньше участие в следствии по делу Вегера и др., по памяти знали проходивших по этим показаниям лиц, проживающих в Николаевской области. В декабре 1937 года в Киеве состоялось совещание начальников управлений НКВД и аппарата НКВД УССР. Совещание проводил Леплевский. При всем активе было выражено недовольство по отношению ко мне за недостаточную работу, обвинял меня в увлечении хозяйственной и строительной работой.

Действительно в тот период надо было строить помещения и размещать аппарат, что мы и делали. Как я показал выше, на совещании в Киеве в феврале 1938 года уже новым наркомом Успенским и Ежовым мне было выражено недоверие за слабую работу и я был снят с должности начальника УНКВД. В период моей работы в УНКВД Николаевской области, в силу сложившейся в то время обстановки, о чем я показал выше, аресты перечисленных лиц, а возможно и других, производились на основании материалов оперативного порядка и других. С точки зрения сегодняшнего дня, да и в тот период, как я считал и считаю, они безусловно недостаточны, но я был бессилён противодействовать незаконным арестам и извращенным методам ведения следствия.

Лично я никого не допрашивал, а следовательно, и не применял извращенных методов следствия. На партийных собраниях парторганизации УНКВД в то время

вопросы о нарушении советской законности не ставились, а наоборот, всегда бросали упрек тем коммунистам, которые не имели арестов и признательных показаний арестованных.

Я к вышесказанному хочу добавить, что по своему характеру мне была противна вся эта форма допросов и от навязанной мне работы врид. начальника НКВД всячески доступными мне мерами старался уйти, хотя и признавал, что это сопряжено с опасностью.

В подтверждение сказанного свидетельствует тот факт, что я не награждался как другие и был снят с работы. Вся моя предыдущая работа в органах госбезопасности может свидетельствовать о том, что я не провокатор или бессовестный карьерист, как характеризовал лиц такого типа т.Хрущев. При необходимости это может быть подтверждено...

Протокол допроса мною прочитан.

Ответы с моих слов записаны правильно -

подпись.

Допросил: начальник следотдела УКГБ при СМ УССР

по Николаевской области - подполковник

подпись (Шаповалов).

Верно: начальник следотдела УКГБ при СМ УССР

по Николаевской области - подполковник

подпись (Шаповалов).

Копия верна: пом. военного прокурора

ОдВО - подполковник

подпись (Камышев).

20 октября 1956 года.

Архів УСБУ по Миколаївській області. Спр. 2008-С. Арк. 101-104.